

Дикие лошади Территории

Зарисовка из книги «Тени Тундры»

Я проснулся рано утром, как всегда внезапно, от весьма непривычного звука. Долгая жизнь геолога в тайге и тундре приучила меня к своеобразной сортировке звуков и запахов, позволяя спокойно работать и даже в значительной степени крепко спать и к мгновенной реакции на нехарактерные звуки, движения и запахи. Приоткрыв полог палатки, поёживаясь от предутренней свежести, я вдруг прямо перед собой увидел... лошадей!! Тех самых лошадей, о которых так много слышал. Приземистые разномастные лошадки с длинными гривами и хвостами, среди которых выделялся жеребёнок, игриво покусывающий за ухо стоящую рядом кобылку, пофыркивая и помахивая хвостами, казалось, выжидающе косили глазами на меня.

Это были они — потомки тех лошадей, которые верой и правдой десятки лет служили геологам Территории, являясь в большинстве случаев единственной тягловой силой, безропотно и безмолвно разделяя с их хозяевами все их невзгоды и тягости. Было время, когда после окончания полевого сезона они после перегона встречались, как старые друзья после долгой разлуки, у здания конюшни на перевалочной базе, располагающейся на высокой террасе реки Паляваам. Сюда в 1970 году пригнал лошадей и автор этих строк, будучи на преддипломной практике. Просто брошенные своими хозяевами на произвол судьбы с приходом на смену им вездеходов, сокращением объёма и изменением структуры работ и «непроизводительных» расходов, они по-прежнему приходили к зданию конюшни, призывно ржали, тыкались мордами в пустые корыта кормушек. Они и сейчас приходят к давным-давно не существующей базе, словно пытаясь отыскать, а может, и вдруг вернуть что-то безвозвратно ушедшее.

Большая часть их погибла из-за бескормицы, болезней, нападения волков, зато оставшиеся образовали уникально приспособленную к суровым условиям Территории популяцию, питающуюся круглогодично подножным кормом, разгребаящую зимой глубокий снег, производящую потомство и... инстинктивно, повинувшись, может

быть, генетической памяти, тянущуюся к людям, как бы пытаясь напомнить им о себе.

Музыка Тундры (Времена года)

Эссе из книги «Тени Тундры»

... Я понял — эта музыка ничья

Нужна мне, нужна мне... нужна мне...

А. Суханов

Работая над книгой, я всё больше и больше погружаюсь в неповторимую атмосферу тех далёких лет — событий сорокалетней давности — и с удивлением, граничащим с восторгом, замечаю, что Тундра стала гораздо ближе и понятнее. Нет, дорогой читатель, это отнюдь не следствие «ложной памяти», так часто с годами обретаемой нами, а скорее это — углублённое жизненным опытом переосмысление того, что я недопонял или просто не заметил тогда, за повседневными заботами, некоторой в силу разных обстоятельств упрощённости и даже обыденности бытия.

Музыка Тундры

Уже в то давно ушедшее от нас время я не раз отмечал, что далеко не всё происходящее вокруг нас и наблюдаемое нами можно выразить словами и звуками.

Стендаль писал, что музыка — единственное искусство, проникающее так глубоко, что может выразить любое ваше переживание. Вместе с тем Ф. Лист справедливо отмечает, что язык музыки более произвольный и менее определённый, часто допускающий различные толкования, подобные тому, как два человека глядящие на пляшущие отблески костра, испытывают разные ощущения.

Поэтому, на мой взгляд, музыка Тундры является глубоко личным ощущением, в высшей степени созвучным восприятию нами постоянно меняющихся природных явлений.

Времена года

Уверен, дорогой читатель, что каждый из нас не только воспринимает смену времён года как неумолимый бег времени, но и, рассматривая как маленькую жизнь, проживает её в зависимости от различных причин каждый раз по-разному,

по возможности возвращаясь и переосмысливая частичку бытия, навсегда ушедшую от нас.

Магия смены времён года в том, что, по навсегда утверждённому и кем-то необычайно мудро спланированному сценарию, мы, будучи только безмолвными статистами, допущены до великой тайны бытия—от рождения жизни до её заката и... рождения снова, как вечного круговорота явлений, вечного, пока ещё вращается Земля.

Каждому времени года присуща своя музыка, написанная на протяжении веков великими композиторами. На мой взгляд, всемирно известные «Времена года» как Вивальди на струнной, так и Чайковского на фортепианной основе не могут в полной мере отобразить музыку Тундры в силу особых черт её характера и специфичной смены природных явлений.

Я попытался передать вам своё, личностное восприятие музыки Тундры и донести до вас то, что я слышал в течение смены времён года на протяжении ряда лет.

Итак:

Весна

Есть тайная печаль в весне первоначальной...

Ю. Визбор

В Тундре принято считать приходом весны восход солнца после полярной ночи. Возьму на себя смелость утверждать, что, по моему мнению, это только символ победы Света, как гонец идущего долгого полярного дня.

Первыми, ещё не видимыми лучами старающееся выбраться из долгого заточения солнце расцвечивает золотом лёгкий пух облаков, неожиданно окрашивая их края в пурпурно-красный цвет. И вдруг, словно вырвавшись из плена, вместе с торжественно-жизнеутверждающими звуками увертюры Верди и Чайковского заливают всё вокруг долгожданным Светом!!

Засверкали, наконец соединившись с восходом, вершины гор, недовольно нахмурились доселе скрытые, отбрасываемые отрогами тени.

И, будто сбросив невидимые оковы, окружающий мир встретил солнце, протягивая руки с удивлённо-радостной улыбкой только что проснувшегося ребёнка. А между тем коварный Март по-прежнему расписывает морозными узорами стёкла домов, с бессильной яростью обречённого заносит метелями дороги, грозит пугающими сполохами северного сияния.

Но уже по ночам мягкой кошачьей поступью крадётся Апрель, зажигая ранним утром бриллиантовые огни первых сосулек, подкармливая ещё не выросшую траву скрытыми под снегом ручьями под трогательно-беззащитные звуки свирели. Набухшие почки северной ивы—чозении—на прибрежных кустах, похожие на миниатюрных

серебристо-серых мышек, пришедших к проталинам, вдруг повернули головки на волшебно-чарующий зов флейты, как на дудочку гамельнского крысолова.

И вот уже Май, со светлыми ноكتюрнами Шопена, красит освобождённые от умирающего последнего снега пригорки зелёной краской, брызнув густыми мазками яркой желтизной маков, небесной синевой колокольчиков и снежно-солнечной россыпью ромашек.

В унисон с криками караванов перелётных птиц звучат весенние голоса вальсов Штрауса, перебивающие треск ломающегося льда на реках и наполняющие Тундру необъяснимым радостным томлением, как предчувствием первого свидания.

Завершающими аккордами вплетающихся в весенние симфонии маршей Мендельсона, Чайковского, Шуберта звучит первый гром, и по-весеннему яркое небо вдруг насмешливо брызжет на удивлённо-счастливую землю алмазные капли пусть ещё не тёплого, но уже весеннего дождя.

Весна пришла!!

Лето

Слишком короток век...

А. Макаревич

Лето—самое короткое время года в Тундре и именно поэтому так похоже на яркую жизнь, стремительно проживаемую в несправедливо недолгий отрезок времени.

Едва вместе с буйным разноцветьем отзвучит неувядаемый «Вальс цветов» Чайковского, природа спешит... спешит... Травы спешат отцвести и скорей разбросать ветрами семена новой жизни, покрыть Тундру немислимо пёстрым ковром ягод и грибов. Всё живое: птицы, звери, рыбы,—не обращая никакого внимания на частую и непредсказуемую смену погоды, спешат продолжить род как утверждение торжества вечной жизни.

Если Весна предстаёт перед нами в образе юной девушки, порой даже не совсем осознающей свою расцветающую, как цветок в бутоне, красоту, то Лето—это зрелая, знающая себе цену и вполне осознающая свою власть своевольная красавица!

Она то окружит вас в бешеных венгерских танцах Брамса на пёстрых своих пригорках, смутит канканом Оффенбаха, позволяя вам подглядеть брачные танцы птиц Тундры, то вдруг отрезвит вместе со взмывом скрипок полонезов густым снежным зарядом в середине Июля. Загрустит под песни Грига на берегах тёмно-синих каньонных озёр и, если вы ей понравитесь, подарит песню Сольвейг в таинственной тени отрогов предгорий.

Приобняв невидимой рукой, на берегу говорливой речки будет зачарованно слушать с вами,

забыв обо всём, серенады Шуберта, неотрывно глядя на плывущие в небе лёгкие облака, слегка позолоченные солнцем.

Или вдруг торопливо, украдкой, смахнёт с густых ресниц прибрежных ив-чозений слезинки летнего дождя, невзначай всплакнувшего о коротком счастье, коротком бабьем веке...

«Слишком короток век...»

Осень

Как часто вижу я сон

Мой удивительный сон,

В котором осень нам танцует вальс-бостон.

А. Розенбаум

Осень — это не только сменяющее лето время года. Осень — это целая страна, страна подведения итогов, критического переосмысления сделанного и время мучительных поисков причин, а порой и смешных всевидящей судьбе оправданий тому, что не удалось.

Осень приходит в Тундру внезапно, с первыми леденцами тающих днём льдинок закраин тундровых лужиц, отражающихся в невероятной глубине ярко-синего неба.

«Осенняя песнь» Чайковского с её мелизмами «на вздохе», полными грусти и безотчётного томления, как бы оттеняет едва уловимую смену косынок от жёлтого до карминно-красного цветов на рыжем снопе волос Осени в лучезарные вечера её прихода.

Она ещё не раз попытается обмануть вас, навевая «Сон в летнюю ночь» Мендельсона у остывающего ночного костра, с сожалением и грустью замечая ранним утром предательское серебро иinea на своих прядях.

И наконец, безутешно разрыдавшись и в отчаянии разрывая нависшие серые покровы облаков, закрывает долины, горы и озёра пеленой морозящего дождя.

А вырвавшийся из плена облаков и тумана благодарный дождь начинает свои бесконечные невыразимо печальные гаммы на старомодных клавишах Вивальди, Скарлатти и Телемана, незаметно переходя на вариации лютни и мандолины.

Осенние ветра тем временем срывают своим холодным дыханием последние жёлтые листья ив-чозений, устлая причудливыми полосами и пятнами чёрные речные камни и превращая берега рек в неизвестно кем накинутые тигровые шкуры.

Одинокая, закутанная в сотканный из туманов изодранный пуховый платок, уходящая Осень, прикрыв рукой затуманенные слезой глаза, всё глядит и глядит вслед покидающим милую Тундру караванам птиц под их созвучное печально-прощальным криком горестно-безысходное «Адажио» Альбинони.

Зима

Ах, Моцарт, Моцарт,

Скрипок звуки

И пенье вьюги за окном...

В. Тургьянский

За одну ночь все краски Тундры сменились невестой чёрно-белой графикой. Пришла Зима.

Чёрный цвет она оставила незамёрзшей воде рек и непокорным скалам предгорий, все остальные краски вобрал в себя белый — главный и любимый её цвет.

Природа замерла, ошеломлённая внезапной сменой почти солнечных дней нешуточным морозом, сковавшим озёра и нестерпимо сияющим на солнце белоснежными покровами. Седой, будто засахаренный, месяц трусливо-удивлённо моргал ресницами ещё не погасших звёзд, будто тоже не понимая причин столь резких перемен.

Немного оправившись от такой встречи, Зима поспешила рассыпать свои несметные богатства, и её белоснежные одежды засверкали всеми цветами радуги от миллионов самоцветов.

Хрустальные гроздьи льдинок на прибрежных кустах, подсвеченные солнцем, качнулись от лёгкого дуновения ветерка и зазвучали серебряными колокольчиками нежных менуэтов Боччерини.

Гаснущим звёздам и месяцу она торопливо пообещала с помощью колдовских чар начистить их до зеркального блеска...

Но не понять холодному сердцу Снежной королевы — царицы полярного холода и тьмы — вечного стремления природы к Свету как источнику жизни, её непреодолимой тяги к теплу, запаху цветов, песням рек и синеве озёр, безбрежному зелёному морю лугов...

И, словно осознавая это, она, сурово нахмутив брови, накрепко захлопнула ледяные крышки над реками, заслонила, будто предупреждая, солнце пеленой первой пурги, угрожающе качнула шапки-снеговика на прибрежных кустах.

Но разве ты не различал, дорогой читатель, в шуме бьющихся в окна белых флагов пурги пение скрипок Моцарта, сливающееся с мелодией и музыкой ночи?

Именно это слияние, глубоко проникающее в самые тайники души, и является, по моему мнению, основой затаянных тягостных раздумий долгой полярной зимы.

Приход Ночи, которую она ждала как верную подругу, разделив с нею полную власть над Тундрой, она встречает торжествующими звуками симфоний Вагнера, бешено кружит снежные вихри под «Полёт валькирий» и вдруг, внезапно укротив метели, расцветивает небо праздничным салютом зодиакального полярного сияния!!

Она не думает и не хочет знать, что, несмотря на кажущуюся ей вечной абсолютную власть над

миром, наступит время, когда хрупкая, с веночком из полевых цветов на голове, девушка Весна одним взмахом веточки ивы-чозенины, как волшебным жезлом, прогонит её прочь, озарив радостной улыбкой приход нового Дня — новой жизни, полной любви, надежд и свершений!!

Осторожно!! Апрель!!

Эссе из книги «Тени Тундры»

*Никаким притворством нельзя
скрыть любовь там, где она есть,
и не выказать её там, где её нет.*

Ф. Ларошфуко

Середина апреля — самого нелюбимого мною времени года.

Апрель в Тундре — это, в первую очередь, грязно: серый, ноздреватый, уже не похожий на тающий сахар, не вызывающий никакого сожаления и грусти снег, прорезанный кривыми ручьями с ледяной мутной водой, вымывающей островки прошлогодней травы, похожие на давно не мытую, свалывшуюся шерсть неведомых животных.

Это чёрный, еле оттаявший торф на вездеходной колее, предательски скрывающий мёрзлые рытвины и ямы, грязные и не выпавшие обитатели Тундры: песцы, лисы, — покинувшие свои норы из-за затопления и жмущиеся к едва просохшим пригоркам.

Местами растаявший снег обнажил самые тёмные стороны жизни Тундры: груды мусора возле стоянок геологов, уже подгнивающие останки погибших оленей и других животных, а вздувшийся буграми серый лёд на тундровых озёрах напоминает плохо вымешанное тесто в тазах нерадивых хозяек.

Гребни гор ещё пытаются призывно махнуть флажками сорванного снега, но холмы предгорий в чёрно-белых пятнах уже напоминают только огромных коров, равнодушно жующих ледяную жвачку подмерзающих за ночь ручьёв.

Ещё непригляднее выглядит апрель в посёлке, бесстыдно напоказ выставляя все язвы и пороки уходящей зимы.

По целому ряду признаков и свойств апрель напоминает мне многодетную мать с пьющим мужем, вечно спешащую и никуда не успевающую, с кучей нестираного белья в не включённой стиральной машине, разбитой тарелкой в горе грязной посуды переполненной раковины, подгоревшей кашей на плите, нервно недокуренной сигаретой, подзатыльником малышу, некстати опрокинувшему на себя чашку, и, наконец, злыми слезами по неудавшейся жизни.

Но, уважаемый читатель, к великому удивлению, мой жизненный опыт показал мне, что природа человека подвластна иным законам, всегда жила и продолжает жить по ним.

Именно апрель в большей степени, чем другие месяцы, является временем пробуждения нежных чувств, всплеска бурных, порой удивительных жизненных коллизий и внезапно вспыхивающих романов, право, достойных несравненно лучшего пера, чем вашего покорного слуги.

Порядком заскучавший во время зимы и не в меру расшалившийся Купидон с безрассудной насмешливостью рассылает стрелы, с одинаковой лёгкостью вдребезги разбивая сердца законченных холостяков и юных девушек, заставляя делать невообразимые глупости почтенных отцов семейств и строго блюдущих нравственность их жён.

Итак, дорогие читательницы, как существа, бесспорно, более организованные (или я ошибаюсь?) в вопросах чувств, я предлагаю вам обсудить с мной некоторые странности любви и брака.

Вы не решаетесь? Боитесь, что апрель невольно выдаст некоторые тайны из вашего далёкого (а может, и не такого далёкого, а?) прошлого? Ну и не говорите никому, хорошо? Мне — можно.

Я предлагаю обсудить неравные браки.

Нет-нет, не те набившие оскомину браки неравных по возрасту, которые не обсуждают сегодня только самые ленивые. Мне и самому неинтересна эта тема, хотя, как совершенно справедливо заметил Р. Шеридан в своей «Школе злословия», «когда старый холостяк берёт молодую жену, он заслуживает... да чего там! Преступление само в себе уже содержит кару».

Мне всегда были интересны браки (разумеется, только на основе любви) людей в значительной степени различной внешности. И тут я полностью согласен с мнением классиков, считающих, что женщины гораздо тоньше и безошибочнее определяют красоту душевную, часто предпочитая её красоте внешней и физической.

Я знал множество по-настоящему счастливых пар (и даже при существенной разнице во вкусах), связывающих красивых женщин с некрасивыми, а иногда даже с уродливыми мужчинами. Одним из примеров может служить и брак моего брата, человека с ярко выраженным физическим уродством, — счастливый брак с любящей красивой женой, подарившей ему троих прекрасных детей, а те в свою очередь — девять очаровательных внуков. И наоборот, я встретил только одну пару, где по всем меркам красивый мужчина прожил долгую жизнь (да и сейчас живёт) с настоящим на первый взгляд «синим чулком».

А вы?? Знаете ли вы такие пары??

Не менее интересной темой являются браки людей с различным развитием и (только отчасти) образованием. Как правило, такие браки заключаются (ох уж этот апрель) на основе страстной любви.

Тем не менее неравенство развития достаточно часто является причиной конфликтов и в конечном итоге приводит к невыносимости жить под одной крышей.

А. И. Герцен, по моему мнению, достаточно жёстко (и даже жестоко) пишет: «Жена, исключённая из всех интересов, занимающих её мужа, чуждая им, не делящая их, — наложница, экономка, няня, но не жена в полном, в благородном значении слова. Её не нужно днём, а она тут, мужчина не может делить с ней своих интересов, она не может не делить с ним своих сплетен».

А вы, дорогие читательницы? Кем вы были (и остаётесь) для своих избранников? Только не лукавьте...

В период работы на Территории я знал несколько семей, где муж (как правило, с образованием не выше среднего) каждый праздник, подвыпивши и со скандалом, порывался сжечь университетский диплом жены.

Другая картина, оставшаяся в памяти. Холёного цветущего мужчину с сигаретой в руке, с оттенком видимого превосходства пытающегося вывести нас из сложного лабиринта романов Д. Джойса, тихим голосом прерывает его жена — бестелесное, не поднимающее глаз существо, как бы понимая ничёмность самого своего существования: «Я стол накрыла. Скажи, пожалуйста, когда подавать горячее?..» Не удостоив её даже кивком, он жестом радушного хозяина приглашает нас в столовую.

В неоднократно наблюдаемых мной подобных ситуациях неизбежно появляется третий (Боже, неужели опять апрель?), и возникающий треугольник бывает намного прочнее, чем основанный чисто на физиологии, и грани его тоньше и острее.

А вам, дорогой читатель, удалось избежать этого? Сбереечь то, что даётся не так часто? Если да — может, поделитесь секретом?

Мои любезные конфиденты!

Я знаю, что Мельпомена давно простилась с вами, наглухо закрыв занавесы семейных сцен, и унесла с собой ветер перемен, но...

Осторожно! Апрель!!

Не уходи...

Короткое эссе из книги «Тени Тундры»

Уходящую осень в Тундре он всегда воспринимал как что-то глубоко личное, сравнимое ближе всего с уходом женщины.

Нет, нет, дорогой читатель, это не тот уход с криками, бурными объяснениями, взаимными упрёками и обвинениями. Осень в Тундре уходит, как женщина, которая уже приняла это трудное и последнее решение, но по необъяснимым даже для себя самой причинам не решается признаться вам в этом.

Напрасно...

Ещё не видя никаких примет, он уже ощутил смутное беспокойство, сродни тревоге, не оставлющей в течение дня после бессонной ночи...

Проснувшись от навязчивой мелодии (ни автогра, ни в чьём исполнении — он вспомнить не мог, и настроение от этого не улучшилось), поспешно одевшись, вылез из палатки и буквально задохнулся, как от глотка ледяной воды из ручья, вдохнув необыкновенно чистый воздух — как единственное на всей земле дыхание женщины, его женщины, уже (он ещё не осознал это) уходящей от него.

Восход ещё не наступил, но рассвет уже окрасил рваные тени предгорий в завораживающие, причудливо меняющиеся от тёмно-синего до багрового краски.

Он вдруг с внезапно подступившей грустью увидел (как не замечал раньше?), что мелкие облака на фоне багровой полосы восхода напоминают пепел на остывающем костре.

Ему вдруг нестерпимо захотелось побыть одному, и, не разбирая дороги, он зашагал в сторону тёмной полосы кустов, обрамляющих берега невзрачной безымянной речушки. И только тут, на берегу, он с пронзительной ясностью понял причину своего состояния: уходит осень...

В одну ночь она засыпала бесшумный плёс беспорядочным ворохом зеленовато-жёлтых листьев чозений, а взошедшее наконец солнце осветило пригорок карминно-красным, самым любимым её цветом.

И, как навсегда уходящая женщина, как будто увидев, что ей больше нечего скрывать, и облегчённо вздохнув от отсутствия необходимости вести сложные и абсолютно ненужные разговоры, она закрутила карусель холодных ветров, нарушив гладь озёр с растворённым в них небом, взметнула брезентовые крыши палаток, как огромные журавлиные крылья на взлёте.

Торопливо, словно боясь передумать, озарила осенним огнём предгорья, будто сжигая за собой последние мосты, нечаянно пролила звёздный дождь на чёрное стекло внезапно потяжелевших ночных облаков, смахнула слёзы с задрожавших, словно от прощания, ресниц луговых трав.

И вместе с гусиным криком, гонящим из памяти черты ещё вчера родного лица, понимая всю неотвратимость происходящего, он с отчаянностью обречённого прошептал: «Не уходи...»

Ночь

Очень короткое эссе из книги «Просто люди»

Ночь, как спрут, вязким чернильным облаком с медленной (и оттого ещё больше пугающей) неотвратимостью окутала всё вокруг, заполняя собой самые укромные уголки и сжимая тугие иссиня-чёрные кольца вокруг догорающего костра.

Вспыхивающие на мгновение и гаснущие угли, казалось, раз за разом посылали безнадежный сигнал бедствия в беспросветную чёрную молчаливость.

Он вдруг почувствовал запах Ночи — нет, не тот чарующе-запретный из ночей его юности, а еле ощутимый, холодный, бездушный, схожий с тленом увядающих осенних листьев запах, никогда не обещавший молодости.

Восходящая (а вскоре и взошедшая) луна в этот вечер ничуть не ассоциировалась у него с многократно воспетой подругой ночи и «свечой ночей».

Её неестественно жёлто-красный диск вдруг представился ему огромным циферблатом, люющим на неразличимую черноту озера незримый поток времени с равнодушием маятника.

«Старость...» — подумал он.

Запахи Тундры

Эссе из книги «Тени Тундры»

Этим коротким эссе я хотел бы завершить книгу «Тени Тундры», пригласив вас в загадочную и удивительную страну запахов.

Место введения

О природе, структуре и способах восприятия запахов, как вы знаете, упоминал ещё Лукреций более двух тысяч лет тому назад, и опустим компилятивную часть множества авторов по этому вопросу.

Разрешите только напомнить вам, что из всех стран (музыки, красок, звуков) — это самая закрытая, абсолютно недоступная для большинства людей и осторожно, испытующе выдающая приглашения избранным.

Готовы ли вы посетить страну запахов Тундры?

Итак, я вижу, что вы готовы и с нетерпением ждёте обещанного свидания...

Запахи Тундры

Позвольте вам напомнить, что восприятие запахов (в особенности запахов Тундры) зависит от вашего возраста, настроения, физического состояния, времени суток, ну и, конечно, времени года.

Чем пахнет Зима с её морозами и вьюгами?

Проснувшись утром, вы вдохнули давно забытый запах снега от наволочки — да-да, именно тот, морозной свежести, когда мать с шумом и треском втаскивала с улицы бельё в дом вместе с клубами морозного воздуха!

Запах Зимы — это густой аромат многократно перекипячённого чая, перебивающий сладковато-угарный запах угля печек перевалочных баз, едкая вонь от работающих круглые сутки автомашин, тракторов, вездеходов...

Это едва уловимый запах суеверного страха от внезапного зловеще-торжественного салюта

северного сияния, расцвечивающего тёмно-звёздное небо.

Майские запахи... Пожалуй, самые волнующие в году.

Только поздним вечером слегка подмокшая под тёплым весенним дождём прошлогодняя трава приобретает ни с чем не сравнимый аромат затылочка только что выкупанного ребёнка.

Присядьте на берегу по-весеннему полноводного ручья — и, задумавшись, глядя на быстро бегущий грязноватый поток, вдруг впервые почувствуете, что талая вода имеет запах влажной земли и мокрых листьев, смешанный с терпким ароматом невзрачных соцветий прибрежных полярных ив.

Но главный запах весенней Тундры — это запах Любви как ожидания, пробуждения и начала новой жизни. Просто встаньте рано утром и вдохните полной грудью воздух, которым невозможно насытиться и хочется пить крупными жадными глотками тонкие ароматы тёмно-синих прострелов и ярко-жёлтых маков, смешанные с запахами пёстрого лугового разнотравья, и даже, кажется, капли дождя пахнут чем-то невыразимо сладостным, что нельзя описать никакими словами.

Лето в Тундре запомнится вам в минуты романтического настроения запахом торфяных озёр с водой цвета крепко заваренного чая и едва различимым ароматом хорошо выдержанного шотландского виски.

Хмурым вечером с морозящим дождём в тон вашему настроению тундровые озёра обдадут вас тяжёлым запахом застоявшейся воды, болотной тины и перегнивших водорослей.

Лёгкий ветерок принесёт вам запахи дыма от костров геологов, несравненные ароматы отварных оленьих рёбер из яранг оленеводов, смешанные с густым едким дымом кустов ивы, используемых как дрова.

Чем запомнился мне запах осенней Тундры? Пожухлая трава имеет легко различимый запах глени — запах уходящей природы и безвозвратных потерь, а оседающий на губах дым далёких пожаров имеет явственный привкус горечи с неожиданно ставшей солёной слезою дождя.

Опавший лист в утренние часы вдруг напомнит пожелтевшие страницы зачитанных в далёком детстве книг, затхлый запах старости.

А знаком ли вам приторно-сладковатый запах свежей крови, поздней осенью пропитывающий воздух возле коралей (место, где забивают оленей)?

Вода в реках, отливающая цветом закалённой стали, несёт трудноуловимые запахи холодов, предвестников скорой зимы, и вдруг остро пахнёт рыбьей чешуёй в местах осеннего лова...

Итак, уважаемый читатель, я провёл вас по стране запахов Тундры. Что почувствовали вы? Приезжайте, и она, может быть, откроет вам новые, доселе неизвестные запахи и ароматы.

Плач Тундры

Из книги «Тени Тундры»

Эту песнь наваял мне неожиданно по-летнему тёплый ветер глубокой осенью в урочище Ольхон, вблизи старой могилы чукотского шамана, напоминанием о которой служила огромная куча выбеленных безжалостным северным солнцем оленьих рогов.

Это был голос Тундры, даже, скорее, пугающе-горестный её плач, подобный плачу по безвремен-но ушедшим родным, плачу брошенной женщины или незаслуженно обиженного ребёнка.

Прошло много лет, но и сейчас я слышу его во сне, различаю среди городского шума и суеты.

«Что ты сделал со мной, человек? За что? В чём я виновата перед тобой?»

Да, я бываю неприветливой и даже суровой, но я такая, и разве ты, приходя сюда, не знал об этом? Да, гроздь моих туманов густы и холодны, мои метели и морозы жгуче злы, а ночи длинны и угрюмы.

Но разве не я расстилаю тебе ковёр из трав и цветов весной, пытаюсь отогреть тебя щедрым полярным солнцем во время короткого лета, разрываю надоевшую тишину гомоном перелётных

птиц, осыпаю звёздами твои дороги зимой и ярче зажигаю голубые созвездья, чтобы освещать твои пути? Я открыла тебе все двери кладовых Заполярья, одарив несметными богатствами в виде уникальных месторождений золота, олова, ртути, вольфрама и платины.

Почему же ты так поступаешь со мной?

Разве ты не знаешь, что вездеходный след не зарастает пять лет, а на месте следов твоих тракторов и буровых остаются глубокие овраги, напоминающие незаживающие раны, что залитые соляжкой, в обрывках ржавых тросов, ягели уже никогда не станут пастбищами для оленей? А сколько их ломало ноги в твоих незасыпанных канавах и траншеях, подобных глубоким разрезам на моём теле, сколько рыбы ты погубил, сливая отходы в мои некогда кристально чистые реки? Зачем ты оставил ржаветь миллионы бочек, сотни ёмкостей для горючего, тракторных саней, станков, тракторов, балков?

Твои некогда обжитые жилища, посёлки стали похожи на погосты, где один только северный ветер громыхает сорванными крышами и врывается в давно разбитые окна.

Остановись! Опомнись, человек! Ещё не поздно! Помоги мне! Я жду тебя!